

УДК 39

Погребальные традиции тунгусского населения Восточного Забайкалья**Жамсаранова Раиса Гандыбаловна**

Доктор филологических наук,
профессор кафедры китайского языка,
Забайкальский государственный университет,
672039, Российская Федерация, Чита, ул. Александрo-Заводская, 30;
e-mail: rebecca_zab@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме определения этнической принадлежности погребальных сооружений, обнаруженных в ходе экспедиционных поездок со студентами в 2004-2010 гг. по региону. Исследование позволяет сопоставить бывшее «тунгусское» население Забайкалья с этноязыковым субстратом тюрко-самодийской общности Сибири XV-XVIII вв. К тому же наличие погребений в лодках-долбленках (т.н. «ундугунская археологическая культура») средневековых насельников Восточного Забайкалья дает основание усматривать неоднозначность тунгусского населения Нерчинского уезда в плане их культурной принадлежности, отличную от традиций степняков-кочевников или тунгусо-маньчжуроязычных эвенков и эвенов. Изученное состояние забайкальской топонимии выявило наличие частотного самоедоязычного, кетоязычного, тюркоязычного субстрата. Данный факт предоставляет возможность научно обоснованной гипотезы о пестром этноязыковом составе тунгусского населения исторической Даурии, позволяя связывать сибирские народы – кетов, самоедов, тюркоязычных хакасов, шорцев и др. с тунгусами Нерчинского уезда и не только с ними. Буряты как один из монголоязычных народов, полагаем, также имеют в своем этногенезе самодийский, кетский, тюркский субстрат, что отразилось в наличии селькупско-бурятских лексико-семантических параллелей. В статье впервые предоставлены полевые сведения о былых религиозных верованиях тунгусов, когда в укромных сокровенных местах дома люди хранили обереги в виде куколок. Наличие подобных фетишей у русскоязычного населения позволяет сопоставить их с бурятскими онгонами, распространенными особенно у западных бурят, до которых не дошел ламаизм.

Для цитирования в научных исследованиях

Жамсаранова Р.Г. Погребальные традиции тунгусского населения Восточного Забайкалья // Культура и цивилизация. 2016. Том 6. № 6В. С. 415-424.

Ключевые слова

Погребальные сооружения, деревянные срубные «домики», кладбища русскоязычного населения, Восточное Забайкалье, тунгусы Нерчинского уезда, «куколки», лодки-долбленки, бурятско-селькупские лексические параллели.

Введение

Данные полевых экспедиционных поездок по региону в целях поиска артефактов местной культуры Восточного Забайкалья позволяют связать причинно-следственными связями ономастический субстрат и факт неоднородности и сложности местного населения как в своем этноязыковом составе, так и в своем историческом развитии. Известно, что при сложении забайкальского («гуранского») казачества определенную роль сыграли не только русскоязычные «первопроходцы Сибири» под началом Петра Бекетова, Афанасия Пашкова, но и какие-то местные, аборигенные народы. Исторически регион является ойкуменой известных средневековых кочевых империй – хунну, киданей, древнетюркских каганатов, чжурчжэней и монголов. Позднее эта территория называлась Нерчинским уездом XVII в., объединявшим тунгусов и инородцев под началом князя Гантимура.

Основная часть

В ходе экспедиционных поездок по региону 2004-2010 гг. нами обнаружены в нескольких населенных пунктах Забайкальского края погребальные сооружения на местных кладбищах. Эти сооружения датированы, в основном, XIX в. и напоминают по своей форме селькупские срубные надмогильные «домики»-мат, описанные в свое время известным этнографом Г.И. Пелих. Местное население сообщило, что эти надмогильные сооружения оставлены некогда жившими в этой местности бурятами (Полевые материалы автора, 2005). Однако текстовой материал изученных надгробий подобных сооружений дает нам право считать их тунгусскими, понимая под этим соционимом¹ все аборигенное население Даурии. Ранее мы уже писали об

¹ под этнонимом *тунгус* мы подразумеваем соционим, которым «прозывалось» все автохтонное население Даурии, куда входили и *инородцы*, под которыми русские сборщики ясака имели в виду бурят, прежде всего, хори-бурят и какие-то иные сообщества помимо собственно эвенков и эвенов

этих надмогильных сооружениях [Жамсаранова, 2006, 27-31; 2008: 34-37]. И кладбища относятся уже к местному русскому населению, что дает нам основание относить их к потомкам тунгусов князя Гантимура. Добавим, что изученные ревизские описи тунгусов Нерчинского уезда дают основание связывать современное русское население с тунгусским, которое было уже к ревизиям 1831, 1858 гг. полностью окрещено, т.е. приведено в православную веру.

Таким образом, смена веры, соответственно и антропонимии тунгусского населения, и послужило основой «появления» большей части старожильского населения Забайкалья. Мы, естественно, не исключаем роли переселенческих фактов, наплыва ссыльнокаторжных поселенцев из центрально-российских губерний. Однако вопрос о наличии тунгусского субстрата в среде старожильского русскоязычного населения Забайкалья пока не получил своего однозначного разрешения. Не все документы Государственного Архива Забайкальского края введены в научный оборот, не исследована история забайкальского казачества как история одного из коренных насельников региона на предмет их происхождения.

Исследованное состояние ономастики, в первую очередь, топонимии края, позволяет утверждать о плотном самодийском субстрате. Данное дает основание связывать часть тунгусского населения Нерчинского уезда с самоедоязычным субстратом, включая и тюркоязычные элементы. Этот факт связывает тюрко-самодийскую общность Сибири с тунгусами Нерчинска если не общими, то опосредованными этноязыковыми связями. И определить данное возможно при комплексном исследовании фактов этнографии, культуры современных насельников края, наиболее консервативным из которых является погребальная культура.

Так, в 2009 г. при изучении тунгусского субстрата в русскоязычном населении Забайкалья было обнаружено, что на одном из местных кладбищ в Приаргунье некогда было до десяти подобных «домиков»-мат (ПМА, 2009). Как сообщил нам 87-летний информатор Поляков В.Г., «эти «домики» на кладбище были сожжены» за их ветхостью еще в послевоенные годы, т.е. примерно в 1947-1948 гг. Также им было сообщено, что в детстве он видел, как его бабушка во время случившегося однажды летом урагана прятала лукошко с какими-то «куколками». По его словам, он был очень удивлен тем, что поставила это лукошко бабушка на божницу, за образа. По-видимому, его удивление было вызвано тем, что до этого момента никто в семье и не знал о существовании этих «куколок». Мы связываем эти «куколочки» с селькупскими духами-оберегами – лозами, получившими описание в работе Г.И. Пелих [Пелих, 1972].

На рисунках 1 и 2 приведены наземные захоронения в забайкальском крае.

Рисунок 1 - Захоронение в Балейском районе Забайкальского края (ПМА 2005 г.).

Рисунок 2 - Захоронение в Шилкинском районе Забайкальского края (ПМА 2005 г.)

Отметим, что наземный тип захоронения в ящике-гробу на поверхности земли отмечался в свое время и у северных самоедцев – ненцев. Погребальная обрядность северных самоедов,

называемых «самоедами лесовых родов», описана В. Иславиным [Иславин, 1847, 136-137]. Подобного рода погребения зафиксированы и у хакасов: «...на современных кладбищах хакасов еще совсем недавно сооружались деревянные домики над каждой могилой – черта, вряд ли связанная с православным обрядом. Такие домики, скорее всего, являются пережитком древних, хорошо укоренившихся в сознании хакасов дохристианских представлений и обычаев» [Кызласов, 1980, 153-155].

В летнее время традиционным у ненцев было захоронение и в лодках [Тучков, 2005, 158]. В описаниях иностранных путешественников о Северной Тартарии подобные обряды были отнесены как традиционные для тунгусов, обитавших на территории, смежной с Китаем, т.е. у населения средневековой Даурии [И. Идес]. К тому же следует отметить, что одна из археологических культур Восточного Забайкалья – ундугунская – обнаруживает нетипичный для номадов-степняков характер захоронения. В могильнике костяки находились в лодках-долбленках под каменным курганом. Позднее подобные погребения были обнаружены по берегам рр. Ингода, Шилка, Аргунь и их притокам.

Забайкальские археологи по материалам, найденным в курганах (удила и стремена, колчаны с костяными и железными наконечниками стрел, украшениями из кости, бронзы, самоцветных камней, меди, железа), сопоставляют их с культурой кочевников-монголов. Однако при этом выделяют отчетливые элементы, присущие традиционной культуре тунгусских народов Сибири и Дальнего Востока. Это вторичные захоронения человеческих останков после разложения трупов на поверхности; гробовища в форме лодок-долбленок; к замещению умерших в могилах деревянными чурками и к присыпке их порошком охры. Отличными от монгольских являются различные изделия из кости, рога из бронзы, орнаментированные сложным геометрическим узором и «узлом вечности»; металлические и костяные обоймы поясов. Археологи относят эту культуру к культуре «конных тунгусов» Восточного Забайкалья [История..., 2001, 28; Цыбиктаров, 2001]. Мы, в свою очередь, полагаем, что этими загадочными «конными тунгусами» могли быть тюрко-самодийские насельники исторического прошлого Забайкалья.

Результаты исследования

Современные региональные топонимические исследования, изученные термины родства бурят и селькупов [Жамсаранова, 2009], разные классы лексики селькупского и бурятского языков, обнаруживающие явные типологические характеристики [Жамсаранова, 2011], позволяют предполагать об ареально-диахронных этноязыковых связях. Эти языковые факты позволяют соотнести археологическую ундугунскую погребальную культуру как с южно-, так

и с северно-самодийскими народностями, а именно, селькупам и ненцам, где прослеживаются схожие элементы материальной культуры и традиционной обрядности захоронения. Судя по описанным Г.И. Пелих типам селькупских погребений, ундугунские захоронения Забайкалья могут быть сопоставимы со вторым типом захоронений, который имеет деревянную камеру в могиле, а также наличие костяка в разрезанную на две половины долбленную лодку. Г.И. Пелих замечает, что данный тип погребения «...сохранился у селькупов вплоть до XIX в. одновременно с другими видами погребального ритуала» [Пелих, 1972, 69; Гемуев, Пелих, 1993, 287-308].

По-видимому, только при учете этих экстралингвистических дополнений, необходимых для исследования этноязыковой принадлежности автохтонного населения на определенной территории, можно выяснить т.н. «темные пятна» не только в историографии отдельного региона, но и отдельных народностей. Несложно заметить, что в далеком прошлом народов, ныне известных под определенными названиями – буряты, эвены, эвенки и т.д., не существовало еще четкого разделения на разные этнолингвистические группы. Племена объединялись в одно целое, распадались, чтобы вновь возникнуть под новым названием или самоназванием. Изученное состояние этнонимии и геононимии хори-бурят также дает нам основание утверждать об участии самодоязычных племен, равно как и тюркоязычных, в сложении хори-бурят [Жамсаранова, 2009, 82-110]. Т.Б. Уварова пишет, что эвенкийская часть тунгусов Нерчинска² была ассимилирована, в основном, русскими: «по материалам переписи 1926 г., отразилось внезапное исчезновение тунгусов в Забайкалье» [Уварова, 2006, 154]. Это же явление было подмечено С.К. Паткановым, который писал: «Принадлежность тунгусского племени зиждется у них лишь на различии в сословиях. Достаточно уничтожить условное деление жителей Сибири на сословные группы, и вся масса обруселых инородцев, в нашем случае половина всего тунгусского народа даже по имени станет русской» [Патканов, 1906, 80].

Заключение

Таким образом, изложенные результаты полевых артефактов этнографического характера могут служить весомым дополнением тезиса об актуальности изучения так называемого «тунгусского» субстрата³ в духовной и материальной культуре автохтонного населения

² подобное описание тунгусского населения позволяет полагать о наличии и другой части населения, не эвенкийской

³ имеющего, на наш взгляд, неоднозначное этническое и языковое происхождение

исторической Даурии. Некогда распространенная в Забайкалье погребальная обрядность тунгусского населения типологически сопоставима с таковой самоедоязычных (и какой-то части тюркоязычных) народов прошлого Сибири.

Библиография

1. Гемуев И.Н. О погребальной обрядности селькупов // *Acta Ethnographica Hungarica*. 1993. № 38. С. 287-308.
2. Жамсаранова Р.Г. К вопросу об этнической принадлежности «конных тунгусов» Восточного Забайкалья (по материалам полевой летней практики) // *Аспирант*. 2006. № 1. С.27-31.
3. Жамсаранова Р.Г. Микропонимия селькупского происхождения в топонимии Восточного Забайкалья // *Ономастическое пространство и национальная культура*. Улан-Удэ, 2006. С. 134-138.
4. Жамсаранова Р.Г. Погребальный обряд тунгусов Восточного Забайкалья (по материалам этнолингвистических экспедиций) // *Древние и средневековые кочевники Центральной Азии*. Барнаул, 2008. С. 34-37.
5. Жамсаранова Р.Г. Этнонимы и генонимы хори-бурят: лингво-историческое исследование. Чита: ЧитГУ, 2009. С. 82-110.
6. Жамсаранова Р.Г. Типологический анализ бурятско-селькупской терминологии родства // *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 324. С.22-25.
7. Жамсаранова Р.Г. Явления конвергенции и трансференции в лексике бурятского и селькупского языков // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2011. № 3 (105). С. 140-147.
8. Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847. С. 136-137.
9. История Восточного Забайкалья. Читинская область. Чита, 2001. С. 28.
10. Кызласов И.Л. Аскизские курганы на горе Самохвал (Хакасия) // *Средневековые древности евразийских степей*. М.: Наука, 1980. С.135-165.
11. Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и др. источников. СПб., 1906. Ч.1-2. С.80.
12. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 69.
13. Тучков А.Г. История и культура народов Сибири. Томск: ТГПУ, 2005. С. 158.
14. Уварова Т.Б. Нерчинские эвенки в XVIII-XX веках. М.: ИНИОН РАН, 2006. 172 с.
15. Цыбиктаров А.Д. Бурятия в древности. История (с древнейших времен до XVII века). Улан-Удэ, 2001. 266 с.

Funeral traditions of the Tungus population of the Eastern Transbaikalia

Raisa G. Zhamsaranova

Doctor of Philology,
Professor of Chinese language department,
Transbaikal State University,
672039, 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russian Federation;
e-mail: rebeca_zab@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the problem of determining the ethnic belonging of funerary structures found during expeditionary trips with students in 2004-2010. The study makes it possible to compare the former Tunguska population of Transbaikalia with the ethno-linguistic substratum of the Turkic-Samoyed community of Siberia of the 15th-18th centuries. In addition, the presence of burials in dugout boats of medieval inhabitants of the Eastern Transbaikalia gives grounds to see the ambiguity of the Tungus population of Nerchinsk Uyezd in terms of their cultural affiliation, different from the traditions of nomadic steppe-nomads or Tungus-Manchurian Evenks and Evens. The studied state of the Trans-Baikal toponym revealed the presence of a frequency Samoyed and Keto-speaking, Turkic-speaking substrate. This fact provides an opportunity for a scientifically grounded hypothesis about the motley ethno-linguistic composition of the Tungus population of historical Dauria, allowing to link Siberian peoples, Ket, Samoyed, Turkic-speaking Khakass, Shorets, etc. with the Tungus of Nerchinsk and not only with them. Buryats as one of the Mongol-speaking peoples, we believe, they also have in their Ethnogenesis the Samoyedic, Ket, Turkic substratum, which was reflected in the presence of Selkup-Buryat lexico-semantic parallels. The article provides for the first time field information about the former religious beliefs of the Tungus, when in the secluded inner places of the house people kept amulets in the form of pupae. The presence of such fetishes in the Russian-speaking population makes it possible to compare them with the Buryat ongons.

For citation

Zhamsaranova R.G. (2016) Pogrebal'nye traditsii tungusskogo naseleniya Vostochnogo Zabaikal'ya [Funeral traditions of the Tungus population of the Eastern Transbaikalia]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 6 (6B), pp. 415-424.

Keywords

Burial constructions, wooden log houses, cemeteries of the Russian-speaking population, Eastern Transbaikalia, Tungus of Nerchinsk district, dolls, dolly boats, Buryat-Selkup lexical parallels.

References

1. Gemuev I.N. (1993) O pogrebal'noi obryadnosti sel'kupov [On the funeral rites of the Selkup]. *Acta Ethnographica Hungarica*, 38, pp. 287-308.
2. Islavin V. (1847) *Samoedy v domashnem i obshchestvennom bytu* [Samoyeds in the home and social life]. St. Petersburg.
3. (2001) *Istoriya Vostochnogo Zabaikal'ya. Chitinskaya oblast'* [History of the Eastern Transbaikalia. Chita region]. Chita.
4. Kyzlasov I.L. (1980) Askizskie kurgany na gore Samokhval (Khakasiya) [Askiz mounds on the mountain Samokhval (Khakassia)]. In: *Srednevekove drevnosti evraziiskikh stepei* [Medieval antiquities of the Eurasian steppes]. Moscow: Nauka Publ.
5. Patkanov S.K. (1906) *Opyt geografii i statistiki tungusskikh plemen Sibiri na osnovanii dannykh perepisi naseleniya 1897 g. i dr. istochnikov* [Experience of geography and statistics of the Tungusic tribes of Siberia on the basis of data from the population census of 1897 and other sources]. St. Petersburg. Parts 1-2.
6. Pelikh G.I. (1972) *Proiskhozhdenie sel'kupov* [Origin of Selkups]. Tomsk.
7. Tsybiktarov A.D. (2001) *Buryatiya v drevnosti. Istoriya (s drevneishikh vremen do XVII veka)* [Buryatia in ancient times. History (from ancient times to the XVII century)]. Ulan-Ude.
8. Tuchkov A.G. (2005) *Istoriya i kul'tura narodov Sibiri* [History and culture of the peoples of Siberia]. Tomsk: TSPU.
9. Uvarova T.B. (2006) *Nerchinskie evenki v XVIII-XX vekakh* [Nerchinsk Evenks in the XVIII-XX centuries]. Moscow: RAS.
10. Zhamsaranova R.G. (2006) K voprosu ob etnicheskoi prinadlezhnosti «konnykh tungusov» Vostochnogo Zabaikal'ya (po materialam polevoi letnei praktiki) [On the issue of ethnicity of the "equestrian Tungus" of the Eastern Transbaikalia (based on field summer practice data)]. In: *Aspirant* [Postgraduate], 1, pp. 27-31.
11. Zhamsaranova R.G. (2006) Mikrotoponimiya sel'kupskogo proiskhozhdeniya v toponimii Vostochnogo Zabaikal'ya [Microtoponymy of Selkup origin in the toponymy of the Eastern Transbaikalia]. In: *Onomasticheskoe prostranstvo i natsional'naya kul'tura* [Onomastic space and

-
- national culture]. Ulan-Ude.
12. Zhamsaranova R.G. (2008) Pogrebal'nyi obryad tungusov Vostochnogo Zabaikal'ya (po materialam etnolingvisticheskikh ekspeditsii) [Burial rite of the Tungus of the Eastern Transbaikalia (based on ethnolinguistic expeditions)]. In: *Drevnie i srednevekove kochevniki Tsentral'noi Azii* [Ancient and medieval nomads of Central Asia]. Barnaul.
 13. Zhamsaranova R.G. (2009) *Etonimy i genonimy khori-buryat: lingvo-istoricheskoe issledovanie* [Ethnonyms and genomes of Chori-Buryat: a linguistic and historical study]. Chita: ChitSU.
 14. Zhamsaranova R.G. (2009) Tipologicheskii analiz buryatsko-sel'kupskoj terminologii rodstva [Typological analysis of the Buryat-Selkup terminology of kinship]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 324, pp. 22-25.
 15. Zhamsaranova R.G. (2011) Yavleniya konvergentsii i transferentsii v leksike buryatskogo i sel'kupskogo yazykov [The phenomena of convergence and transference in the vocabulary of the Buryat and Selkup languages]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 3 (105), pp. 140-147.